

ский поэт усиливает космос экзистенции лирического героя восклицательной интонацией. В первом катрене применяется необычная градация заклинаний: «Пусть угаснет солнце и белый свет — / Вселенная страданий и мучений, ужаса и жажды; / В пыль падут светлые боги, / Умолкнет радость смеха и песен!» Здесь заговоры не завершены, и во втором катрене они трансформируются в магические слова: «Пусть закончится час светлых времен, / Померкнут золотые луга! / Солнце ищет тихой бухты / Где-то в мирах, в глубинах ген своих!» В терцетах вновь заявляет о себе поиск вектора, указывающего на пространство нахождения «великой ночи» (она «там», где-то не здесь): «Там только тьма большая и бездонная / И реки сна, и туманы забвения / Обнимут душу — сироту бездомную» (первый катрен), позже вселенская тишина приласкает ушедшего к своему изначальному космосу тьмы, своему «печальному лону, / И мать-ночь вновь убаюкает дитя, / Сладкая отчизна души бродячих» (второй катрен).

Трагический образ бездны небесной и бездны человеческого существования создан в финальном терцете сонета «Железное кольцо», где слились в нерасторжимое целое годы лирического героя, одиночество и сомнения его экзистенции. Железным кольцом охвачены творчество и разлука с родиной,

сиротство и молчание. Они неуклонно сжимаются. Приходит время, когда герой становится скупым на слова, ностальгия и сомнения обжигают мысли, а сердце остывает и превращается в холодный камень (первый катрен). Раздумья о неисполнимом, о спасении времени, вырвав его из челюстей судьбы, чтобы оно не развеялось бесследно, не угасло, а обрело форму вечности, не прибавляя мудрости человеку.

Сонетный герой Р.Кедра приближается к порогам этой мудрости, достигнув «семидесятипятилетнего» возраста (сонет «Колиш не гнездо»): «Птах я без гнізда./ Та чи й потрібне?/ Час відміряний,/ Недовгий./ І вже треба отрясати/ Весь земний пил із трудних ніг. Пора» [2:16].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что философия существования и ужаса исчезновения в сонетах Р.Кедра не предполагает поиска утешительной альтернативы. Его герой отказывается от мифологического обоснования экзистенции. Гипотеза, или пророческое предсказание Ростислава Кедра таковы: кончина трансформируется в символ небытия и не смерти, однако, каждому предназначается путь встречи с ужасом бездны тишины в необозримом мироздании. Отстраненность от жизни земной в философской системе поэта обосновывается идеей о всевластии природы.

Литература

1. По Эдгар. Избр. произв.: в 2 т.: Т.1 / Эдгар По. — М., 1972 — 230 с.
2. Кедр Ростислав. Сонети / Ростислав Кедр // Дзвін. — 1992. — № 3—4. — С. 16—18.

УДК 821.161.1:929 Пелевин

Е. А. Титаренко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Константные мотивы в творчестве В. Пелевина

Титаренко О. О. Константні мотиви у творчості В. Пелевіна. У статті розглянуті основні константні мотиви творчості Віктора Пелевіна, простежена їх трансформація та модифікація, проаналізовані приклади реалізації даних константних мотивів у різножанрових творах письменника, що складають єдиний мета- та гіпертекстуальний простір. Особлива увага приділяється проблемі літературоцентричності текстового корпусу В. Пелевіна.

Ключові слова: константа, метаповідь, авторефлексія, літературоцентричність.

© Титаренко Е. А., 2013

Титаренко Е. А. Константные мотивы в творчестве В. Пелевина. В статье рассмотрены основные константные мотивы творчества Виктора Пелевина, прослежена их трансформация и модификация, проанализированы примеры реализации данных константных мотивов в разножанровых произведениях писателя, составляющих единое мета- и гипертекстуальное пространство. Особое внимание уделяется проблеме ли-тературоцентричности текстового корпуса В. Пелевина.

Ключевые слова: константа, метаповествование, авторефлексия, литературоцентричность.

Titarenko E. A. Constant motifs of Victor Pelevin's oeuvre. The main constant motifs of Victor Pelevin's oeuvre are considered in the present article, their transformation and modification is traced, examples of the implementation of these constant motifs in different-genres writer's works, that constitute the unified meta- and hypertextual space, are analyzed. Special attention is paid to the problem of literaturecentrism of V. Pelevin's texts.

Key words: constant, metanarration, autoreflection, literaturecentrism.

В творчестве Виктора Пелевина можно видеть своеобразную индикацию общественного сознания, призму, выявляющую существенные качества современной реальности. Писатель чутко реагирует на происходящие в России события: литературные, экономические, политические и т.д., а порой и предугадывает их. Пелевину удается «создать каноническую мифологию современности, которая продолжает работать за пределами» литературы [2:446]. Такая разнообразно отзывчивая диагностичность авторского проекта не противоречит внутренней типологичности его текстового корпуса, скрепленного системой тематического и мотивного повторов.

Устойчивыми для пелевинского художественного мира компонентами оказываются мотивы пустоты, «жизни — сна» или дороги «из ниоткуда в никуда», симулятивной природы реальности, наркотического транса (измененного состояния сознания) и т.д.

О пелевинской последовательности в выборе темы для художественного исследования, многими трактуемой как однообразность, пишут Е. Ямпольская, Д. Полищук, К. Макеева, Д. Проскуряков и др. М. Липовецкий считает, что Пелевин еще с ранних рассказов до «Чапаева и Пустоты», преобразая фикции в реальность, «умно и изобретательно вел свою тему, сразу же отличавшую его от других постмодернистов» [2:428]. Неодобрительно высказывается о предсказуемости Пелевина Е. Ямпольская [10]. О том, что прозаик пишет один единый текст, упоминает и А. Генис [1:90]. Д. Полищук видит возможность объединить четыре романа Пелевина («Чапаева и Пустоту», «Generation “П”», «Священную книгу оборотня» и «Числа») в единый цикл [8]. Попытку классифицировать произведения Пелевина по темам и мотивам предпринимает К. Макеева, выделяя в творчестве писателя темы соцреалистического сознания, образов животных как второй реальности, освобожде-

ния сознания. Исследовательница полагает, что все тексты Пелевина, в сущности, посвящены одной теме, «в которой повторится одна и та же идея, но выражается она не формой» и сюжетом, а самой ситуацией несвободы героев от самих себя [3]. О «зарифмованности» текстов между собой говорят С. Полотовский и Р. Козак [9:97].

Произведения Пелевина объединяются в один гипертекст благодаря череде переходящих из текста в текст персонажей: Урган Джамбон Тулку («Чапаев и Пустота», «Generation “П”», «Т»), Чапаев («Чапаев и Пустота», «Т»), Малюта («Generation “П”», «Числа»), Татарский («Generation “П”», «Числа», «Священная книга оборотня», «Empire “V”», «Ананасная вода для прекрасной дамы»), граф Л. Толстой («Чапаев и Пустота», «Т»), Вовчик Малой («Чапаев и Пустота», «Generation “П”»), богиня Иштар («Generation “П”», «Empire “V”»), царь Эхнатон («Свет горизонта», «Числа», «Т»), пятилапый пес («Generation “П”», «Священная книга оборотня») и т.д. В одних текстах они играют роль главных героев, в других — лишь второстепенных или вообще упоминающихся косвенно.

Пелевин также часто сам вскрывает наличие переключек между произведениями, написанными в разное время, перетасовывая их в составе разных сборников.

Одна из проблем, которую Пелевин актуализирует в своем творчестве, — проблема власти в различных ее проявлениях. «Омон Ра» — развернутая метафора того, как коммунистическая идеология управляла сознанием советского гражданина. В «Generation “П”» рассматривается феномен довлеющей роли рекламы, ее мистифицирующей способности создавать иллюзию реальной жизни. В романе «S.N.U.F.F.» — возможность с помощью снафов контролировать течение жизни. «Empire “V”» задает новые параметры

трактовки природы человека как «дойной денежной коровы» для высшей расы — вампиров. О зомбификации властью сознания людей идет речь в «ГКЧП как тетраграмматон». В «Т» анализируется ситуация власти автора над своим героем, но проблема не остается исключительно литературной, она выводится в плоскость глобального размышления о феномене властвующего сознания, подключаются контексты творчества, политики, религии, обычной частной человеческой жизни.

Многие тексты В. Пелевина литературоцентричны, автореференциальны. В романе «Т» граф чувствует, что состоит из букв, распадается на них и вновь собирается воедино, он живет лишь тогда, когда читатель складывает его из слов:

ему представилось, что он стоит на поверхности огромного бумажного листа, то распадаясь на разбросанные по белой плоскости буквы, то возникая из их роя. Мелькнула догадка, что наваждение кончится, если буквы сложатся в какое-то главное слово — но этого слова он не знал... [6:87].

Ориентация на высказывание, моделирующее реальность, достигает здесь своего пика, а жизнь предстает в форме слова, которое надо подобрать, найти, разгадать. Возможно, такое слово — каббалистический тетраграмматон, четырехбуквенник, обозначающий непроницаемое имя Бога — творца вселенной, на что указывает в том числе и эпиграф:

...солдат забытой Богом страны,
Я герой — скажите мне, какого романа?
I'm a soul, Джа [6:5].

«I'm a soul, Джа» — это и «я — солдат» (выполняющий приказы), и «я — душа, Джа» (живущая подлинной жизнью). Джа — тот же тетраграмматон (в растафарианстве сокращение от «Яхве» или «Иегова»).

Еще до «Т» Пелевин пробовал играть с метатекстовыми элементами. В «Чапаеве и Пустоте» открывается целая галерея подставных нарраторов. Предисловие к роману написано Урганом Джамбоном Тулку VII. Автор рукописи, «созданной в первой половине двадцатых годов в одном из монастырей Внутренней Монголии», остается неизвестным. Виктору Пелевину Урганом Джамбоном Тулку отводится роль редактора. Повествование же в самой «рукописи» ведется от первого лица — от «я» Петра Пустоты.

Оканчивается роман указанием даты и места его написания: «Кафка-юрт, 1923–1925».

Пелевин играет с метатекстовыми элементами с целью смешения действительности и вымысла вплоть до полного их слияния и неразличения. К примеру, Петька спрашивает у своего наставника, как того следует называть во сне, на что слышит ответ:

Ну какая разница, как ты будешь называть меня в записках, которые ты делаешь во сне? <...> Называй меня любым именем <...> хоть Чапаевым. <...> Можешь даже написать, что у меня были усы и после этих слов я их расправил [7:216].

И действительно, дальше следует фраза:

Бережным движением пальцев он расправил усы [7:216].

Автор намекает на возможность того, что книга «Чапаев и Пустота» — те самые записки Петьки о снах.

Повышает степень литературоцентричности романа вставная часть, описывающая постановку пьесы «Раскольников и Мармеладов». Уже здесь заложена та идея о пустотности всеобъемлющего пространства, к которой приходит герой в конце своего пути. Вставная глава, пьеса «Доктор Гулаг» (в названии — контаминация «Доктора Живаго» Б. Пастернака и «Архипелага ГУЛАГа» А. Солженицына), есть и в романе «Числа».

Пустота дружит с В. Брюсовым, знаком с А. Толстым. Брюсов читал сборник Петра «Стихи Капитана Лебядкина» (персонаж с именем капитан Лебядкин появляется позже в «Числах»). Писатели обсуждают недавно вышедшую поэму А. Блока «Двенадцать».

Литературным даром наделены и другие пелевинские герои. Пишет хокку банкир Степа («Числа»), сочиняет песенку лошадь («Т»), издает романы Аксинья («Т»), придумывает стихотворения Петька («Чапаев и Пустота»), печатает книгу лиса А Хули («Священная книга оборотня»), творит целую вселенную из слоганов бывший студент литинститута Татарский, тем самым создавая некую новую иллюзорную реальность («Generation “П”»), сочиняет стихотворения (сначала сам, а потом с помощью компьютерного доводчика) Грым, пишет книгу Дамилола («S.N.U.F.F.»), трудится над рассказом о своей жизни Семен Левитан, пишет статьи Скотенков («Ананасная вода для прекрасной дамы») (причем в последнем сборнике автор второй повести опровергает под-

линность авторства первой) и т.д. Целиком проблеме авторствования и рассуждениям о литературе посвящен роман «Т».

Повествованию лисы А Хули («Священная книга оборотня») предшествует «Комментарий эксперта», в котором автор через систему подставных персонажей мистифицирует природу текста и вступает в скрытую полемику с современными литературными критиками.

Повесть «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» соткана из цитат-симулякров. Автор, как и повествователь в набоковской «Истинной жизни Себастьяна Найта», пытается по крупицам восстановить образ покойного Скопенкова.

Дает определение понятию авторства Петька («Чапаев и Пустота»):

авторство — вещь сомнительная, и все, что требуется от того, кто взял в руки перо и склонился над листом бумаги, так это выстроить множество разбросанных по душе замочных скважин в одну линию — так, чтобы сквозь них на бумагу вдруг упал солнечный луч [7:287].

О солнечном луче говорят герои романа «Т», сборника «Ананасная вода...».

Все время рефлектируя по поводу смысла своего существования, герои Пелевина часто приходят к восприятию жизни как дороги «из ниоткуда в никуда». Это общее место, константа, реализующееся по-разному, чаще всего — через мотив поезда, идущего к обрыву.

Принцип, сформулированный в эссе «Икстлан-Петушки» («у всех дорог, где бы они не пролегли <...> есть одна общая черта: все они ведут в никуда» [5:290]), проходит лейтмотивом сквозь ткань большинства пелевинских текстов. О жизни, как о «поезде, идущем в никуда» («A train to nowhere... A train to nowhere...» [5:75]), говорят Люся и Нелли, героини рассказа «Миттельшпиль». Константа обнаруживается и в романе «Чапаев и Пустота». Анна читает стихотворение Петра:

Но в нас горит еще желанье, к нему уходят поезда, и мчится бабочка сознания из ниоткуда в никуда... [7:294].

Жизнь представляется в виде пути герою романа «Generation “П”»: «Жизнь — это одинокое странствие под палящим солнцем. Дорога, по которой мы идем, ведет в никуда» [4:189]. Присутствует константа также в повести «Свет горизонта». Показательно название сборника «ДПП (нн)», расшифровываю-

щееся как «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда». В «никуда» ползет и самосвал из стихотворения Грыма («S.N.U.F.F.»). Близка по семантике к вышеперечисленным текстам повесть «Желтая стрела». Ее главный герой, Андрей, сходит с поезда, идущего к разрушенному мосту, к пропасти. Спасение от гибели даруется молодому человеку после осознания истинной природы всего сущего. Примыкает к текстам и эссе «Мост, который я хотел перейти». Жизнь здесь представляется в виде разрушенного моста, с обеих сторон обрывающегося в пустоту.

Начиная с ранних рассказов и повестей, В. О. Пелевина неотвязно преследует проблема реальности и иллюзорности мира. Все герои произведений писателя пытаются решить, что есть действительность и кто ее творец.

По Пелевину, тот, кто осознает мир, и есть его творец, но вопрос в другом, действительно ли человек видит истинный мир или сам является лишь порождением чьего-то ума. Иногда это распознавание составляет главную цель в жизни. Поняв, кто ты, можно попытаться освободиться от чужих иллюзий.

Считает себя владыкой вселенной Петр Пустота. После общения с бароном Юнгерном Петька приходит к выводу:

все они существовали только потому, что существовал я [7:232].

Снова эту проблему поднимает Пелевин и в «Священной книге оборотня». Не замечает призрачности своего существования герой «Принца Госплана». Повесть построена на неразличении пространств реальной жизни и компьютерной игры. Границы между этими топосами полностью размываются. Герой существует в некоем индивидуальном сверхпространстве.

В повести «Свет горизонта» мотыльки Дима и Митя (по сути же — герои, составляющие единое целое) также пытаются отыскать творца мира и разяснить для себя, в чем суть самого творения (они летят на свет лампы — Лампа Ламп из «Операции Burning Bush»).

В художественном мире Пелевина, человек оказывается Богом-творцом, способным породить мир. В герое помещается все добро и все зло, идет борьба двух начал. К такому выводу, как к великому откровению, приходит император Юань Мэн («Нижняя тундра»):

«Человек заблудился в этой битве двух духов, которые на самом деле — он сам» [5:210].

Те же идеи разрабатываются и в «Онтологии детства». Посвящен проблеме поиска создателя мира роман «Т», где определить авторство произведения оказывается практически невозможным из-за наличия огромного количества ложных криэйторов. Однако именно в «Т» Пелевин выходит на новый уровень осмысления проблемы, назначая на роль творца самого читателя. В романе реализуется авторская игра с треугольником «автор — герой — читатель». Он по-разному трансформируется, представляя то в виде отношений Ариэля, Т., читателя, то в виде святой Троицы из христианства. О Троице вспоминает Левитан («Ананасная вода...»), цитируя Державина: «Без лиц, в трех лицах божества!», подразумевая под Богом, у которого бесконечное число лиц, любовь, душу, любого человека, в том числе себя.

В связи с тем, что в пелевинском гипертексте существует множество иллюзорных пространств, в реальности которых герой не уверен, и не имеет возможности подобрать критерии, по которым можно было бы идентифицировать их подлинность, часто герои воспринимают свое существование как сон, от которого надо проснуться.

Бойтся думать о том, что пробуждающий укол булавкой может тоже сниться, Никита Сонечкин («Спи»), не понимает, как литературный герой может истекать кровью, граф Т. («Т»), отгоняет от себя мысли о своем возможном несуществовании герой «Сна».

Петька («Чапаев и Пустота») рассказывает барону Юнгерну свои ощущения после пребывания в психиатрической больнице:

когда кошмар снится, он настолько реален, что нет никакой возможности понять, что это всего лишь сон. Можно так же трогать предметы, щипать себя... [7:231–232].

Тибетский казак Игнат считает, что «разницы нету — что спи, что не спи, все одно сон» [7:240]. В романе «Generation “П”» Фарсейкин рассказывает легенду о боге, которого «великая богиня» напоила напитком, от которого тот уснул, и теперь «весь наш мир со всеми нами и даже этой богиней ему как бы снится» [4:324].

В романе «Т» одним из самых страшных испытаний для графа становится «реалистическая глава», как называл ее Ариэль. Это

время, когда Т. превратился в Льва Николаевича Толстого. Графу был предложен выбор: решить, где сон, а где реальность. Тот мир, где Т. очутился, мир Толстого, был весьма привлекателен и реалистичен.

Проблема, которую ставит Пелевин, по сути своей, если мыслить категориями героев писателя, неразрешима.

Еще одна константа пелевинского творчества — смешение пространств (которых всегда несколько) вплоть до полного их неразличения, разрешающееся снятием необходимости такого различения.

Иллюзорный, симулятивный мир оказывается порой важнее самой реальности, глубже, ценнее, наполненной смыслом. Существование нескольких параллельных пространств, не вызывающее внутреннего протеста, конфликта, наблюдается и во многих других текстах Пелевина. К примеру, искренне верит в свою миссию (долететь до Луны) Омон Кривомазов. Реальность врывается во вселенную героя лишь в конце его пути («Омон Ра»). Так же в последний миг читатель открывает для себя истинную природу героев «Света горизонта», в момент, когда человек отгоняет шляпой ночных мотыльков, летящих к лампе. На чередовании двух хронотопов построены роман «Чапаев и Пустота», рассказ «Нижняя тундра» и др.

Одним из приемов, пользуясь которыми у Пелевина особой популярностью, является введение героя в измененное состояние сознания с помощью психотропных веществ. Кокаин, героин, мухоморы, ЛСД и др. дают возможность выйти за пределы «дурной реальности» в мир, где нет ограничений и где все наделяется особым, сакральным, мистическим смыслом. Наркотики также оказываются способом путешествия в пространстве и времени.

В «Чапаеве и Пустоте» кокаином злоупотребляет Котовский, создающий мир (отчего, по словам Пустоты, и мир таков, какой он есть). Котовскому порошок помогает пережить «внутреннюю драму».

Нюхает кокаин Григорий фон Эрнен, у которого Петр берет баночку белого вещества. Употребляет его и сам Пустота, хоть и не любит. Кокаин позволяет герою «прийти в себя», т.е. способствует переходу в единственно подлинное внутреннее измерение.

Психотропные вещества преобразуют реальность героев, сидящих у костра («Чапаев Пустота»):

Мир вокруг изменился — он сделался гораздо более осмысленным и одушевленным, словно бы стало наконец понятно, зачем дует ветер и горят звезды в небе [7:275].

В романе «Числа» метамфетамин употребляет Сракандаев, называя порошок «формулой успеха». Наркотик превращает Степу из Пикачу в волка, высвобождая его внутреннего зверя.

Полностью посвящен описанию трансформированного под действием мухоморов сознания рассказ «Музыка со столба». Грибы вызывают страшные галлюцинации у персонажей, мир фантазии полностью замещает реальный, провоцируя одного из героев помышлять об убийстве друга.

В невероятных дозах употребляет кетамин Михалыч из «Священной книги оборотня». Под действие «странной» травы попадает граф Т. («Т»).

Множество разнообразных веществ поедает Татарский («Generation “П”»). Это и мухоморы, открывающие герою иной мир, и ЛСД, под воздействием которого Вавилен получает возможность общаться с Сирруфом,

и порошок на ковре с цветами в кабинете начальника, Азадовского, с которым герой и «опылял» эти цветы.

В «ГКЧП как тетраграмматон» «действие каббалистических эманаций нейтрализуется алкоголем» [5:296], он спасает обычного человека от абсурда, творящегося во властной верхушке.

Следует также отметить и наличие в пелевинском гипертексте иных констант, требующих отдельного подробного анализа: схожее у героев отношение к любви, к жизни, зооморфизация персонажей, игра с названиями произведений (неоднозначность их прочтения, использование в названиях английских букв), схожее построение философских размышлений (в виде диалога между учителем и учеником), поиск героем Бога в самом себе («На самом деле, если разобраться, нет никакого меня, есть только он. Но этот “он” и есть я» [6:368]), различные названия пустоты (Внутренняя Монголия, Радужный поток, Оптина Пустынь и т.д.), использование излюбленного пелевинского приема, основанного на переводе фраз с «геополитического» языка на «сущностный» и др.

Литература

1. Генис А. Иван Петрович умер : Статьи и расследования / Александр Генис. — М. : НЛО, 1999. — 332 с. : ил.
2. Липовецкий М. Паралогии : Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920—2000 годов / Марк Липовецкий. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 848 с.
3. Макеева К. А. Герой В. Пелевина в поисках своего «Я» / Ксения Макеева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/m/makeewa_k_a/pelevin2.shtml
4. Пелевин В. О. Generation «П» / Виктор Пелевин. — М. : — Вагриус, 1999. — 301 с.
5. Пелевин В. О. Relics : Ранее и неизданное / Виктор Пелевин. — М. : Эскмо, 2007. — 352 с.
6. Пелевин В. О. Т / Виктор Пелевин. — М. : Эскмо, 2009. — 384 с.
7. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота / Виктор Пелевин. — М. : Вагриус, 2003. — 414 с.
8. Полищук Д. И. крутится сознание, как лопасть / Дмитрий Полищук // Новый мир. — 2005. — № 5. — С. 173 — 178.
9. Полотовский С. Пелевин и поколение пустоты / Сергей Полотовский, Роман Козак. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 232 с.
10. Ямпольская Е. Пионерская правда / Е. Ямпольская // Русский курьер. — №92. — 10 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.pelevin.info/pelevin_180_0.html.